

УБИЙЦА БЕЛОСНЕЖЕК ТИФИНИСА КОЗО

Тифиниса Коэо Убийца Белоснежек

<https://litres.ru/74494749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты думаешь, что знаешь кто жертва а кто охотник? Веришь голосу, который рассказывает историю...Но в этой книге рассказчик лжет. Дойди до последней страницы и ты поймёшь самое страшное: Убийца Белоснежек сидел рядом с тобой с первых страниц

Тифиниса Коэо

Убийца Белоснежек

Глава 1

Ночь неохотно уступала утру, но света не прибавлялось. Туман стлался по дороге, облеплял колёса дилижанса, превращая деревья в тёмные пятна без формы. В этой серой мгле день казался вечером, а вечер казался ночью, и разница между ними была только в том, что ночью можно спать.

Я задремала в третий раз, когда дилижанс тряхнуло на ухабе. Шея затекла, во рту было сухо, и я не сразу поняла, где нахожусь. Потом вспомнила: мы едем из Мюнхена в Кёрн, к тёте Лисэль Дион, сестре матери. Наш дом больше не наш. Долги отца сделали своё дело: карты и невезение шли рука об руку, пока удача не отвернулась совсем. Теперь мы ехали туда, где я когда-то проводила летние каникулы и где всё казалось простым. Но это было возвращение, а не возвращение домой. Дом остался там, где его проиграли.

Я открыла дневник и записала: «Снова уснула. Снова потеряла время». Я записывала туда всё: мысли, обрывки фраз, сны. Это мой способ не потерять себя среди чужих разговоров. Если не запишу, потом не вспомню, что чувствовала. А

это самое важное: не забыть, как именно тебе было больно.

Отец сидел рядом, уткнувшись в газету. Над заголовком «Убийца Белоснежек: полиция в тупике» он фыркнул и провёл ладонью по странице, будто смахивал крошки со скатерти.

— Чушь. Почему они считают, что за этим обязательно стоит мужчина? Королева отравила Белоснежку. Женщина, между прочим.

Мать бросила на него взгляд, в котором читалось: не тащи это к нам. Не сейчас. Её пальцы нервно теребили край шали.

— Фабиан!

Он не поднял головы.

— Двадцать семь лет парню, а он ничего не добился, — продолжил отец, словно мать не открывала рта. — Хорошо, что я всё проиграл. Ни тебе, ни ему ничего не достанется.

Он скользнул взглядом по мне.

— И ты, Френ. Какая же ты неприметная. Кто тебя возьмёт? Ни красоты, ни приданого.

Это звучало не как вспышка гнева, а как заученная фраза, которую он повторял столько раз, что она перестала обжигать и просто оставляла холод. Я знала этот тон. В нём не было ни злости, ни страсти. Только усталое равнодушие, которое ранит сильнее крика.

Мать вспыхнула:

— Мы бедны из-за твоих вечных игр, Фабиан! Из-за того, что ты ставишь на кон не только деньги, но и нашу жизнь!

Отец отмахнулся. Фред, мой брат, сидел напротив и кашлял, коротко, надрывно. Мать смотрела на него так, будто каждый хрип стягивал ей сердце. Он резко поднялся и вышел, стиснув кулаки. Ему нужен был воздух, хоть и промозглый.

Я смотрела отцу в затылок и прошептала, не осознавая, что говорю вслух:

— Какой же он отвратительный.

Хлопок по щеке был быстрым. Мама любила напоминать о границах именно так, без долгих нравоучений. В салоне повисла тишина, нарушаемая только стуком дождя по крыше.

К вечеру добрались до Кёрна. Город встретил нас дождём и тишиной, слишком густой для обычного вечера. Дома и парки не изменились, но воздух стал тяжелее, будто пропитался чужими тайнами. Этот город помнил всё, что в нём происходило, и не торопился забывать.

Перед тем как зайти в особняк тёти, я посмотрела на соседний дом. Он казался вдвое больше, чем я помнила. Монтклары перестроили. Эта мысль успокоила: если что-то меняется, значит, время идёт. Даже когда перемены не к лучшему.

Линда встретила нас у двери. Служанка тёти. Добрая, тёплая, пахла ванилью и хлебом. Её дочь, девочка лет на три младше меня, бросилась ко мне и обнялась так крепко, будто мы не виделись не несколько месяцев, а целую жизнь.

Я поднялась к себе. Комната была та же, что всегда, даже когда я здесь не жила. Постель застелена, на столе стакан с водой, на подоконнике свеча, которую никто не зажигал. Я подошла к окну, и прошлое навалилось разом.

Утро. Голос Карла: «Франциска!» Я не успела допить чай. Мы зашли за Анной, моей подругой, и пошли втроём. Тётя Лисэль звала нас «три мушкетёра». Мне и Анне было тринадцать, Карлу пятнадцать. Он появился в моей жизни незаметно и сразу стал её важной частью.

В день рождения Карл повёл нас на поляну. Принёс флягу с чаем, сэндвичи, венские сосиски. А потом достал книжку. «Белоснежка и семь гномов». Анна обожала эту сказку с детства, и Карл читал для неё. Но когда дошёл до строчки «И увидел принц Белоснежку в стеклянном гробу и не мог отвести глаз», он вдруг посмотрел на меня. Не на Анну. На меня. Взгляд был такой откровенный, что я поняла: наша дружба уже не будет прежней. И почувствовала одновременно радость и страх. Радость, что он видит меня. Страх перед тем, что это значит.

Я отогнала воспоминание. Слёзы накатились сами собой. В комнату тихо вошла тётя, прижала меня к себе.

— Тише, тише, моя дорогая.

Она всегда знала, что со мной происходит, даже когда я молчала. Чуть позже протянула стопку писем.

— Карл присылал много. Три месяца назад был здесь и просил передать. Сказал, что ты не отвечаешь.

Я взяла письма и положила на стол, не вскрывая. Слова, которые я не хотела читать, лежали там, как что-то опасное.

Ночью я не спала. Письма лежали на столе, и в темноте я чувствовала их присутствие. То тянулась к ним, то одёргивала руку. На верхнем конверте почерк Карла, уверенный, с острыми буквами. Я вспомнила, как он смеялся, что его подпись похожа на росчерк шпаги, и мне стало грустно от того, как хорошо я его знала и как старательно теперь пыталась забыть.

За окном дождь стих. В тишине отчётливо слышались другие звуки: скрип балки под крышей, шорох, похожий на осторожные шаги на галерее, далёкий стук в ставень, который тут же оборвался. Дом тёти всегда был живым: скрипел, вздыхал, стонал, когда ветер забирался в щели. Но сегодня эти звуки казались чужими. Будто кто-то подстраивался под ритм дома, чтобы остаться незамеченным.

На следующий день я пошла в книжный магазин Патрика. Старик знал о книгах всё и всегда мог посоветовать такое, что попадало прямо в сердце. Дождь не утихал. Линда, увидев, как я натягиваю пальто, вздохнула:

— Детка, ты заболеешь. Давай накину на тебя ещё одно.

Я улыбнулась ей. Не потому что мне было тепло, а потому что её забота согревала.

Магазин оказался закрыт. Я стояла перед дверью, не веря глазам: Патрик не закрывал никогда. Кант Шридт, мясник из лавки напротив, подошёл и положил руку на плечо.

— Френ. Как же ты выросла. Не стой тут. Иди домой.

— Но Патрик...

— Знаю. У него трагичная причина. Убийца Белоснежек.

Месяц назад, двенадцатого сентября. Он убил его дочь.

Я стояла на мокрой мостовой, и слова Канта звучали в голове, как колокол, который бьёт один раз и замолкает, а эхо расходится долго-долго. До этого момента убийца существовал для меня только на газетных полосах. Теперь он был реальным. Он ходил по этим улицам. Он выбирал. Он забирал.

— Иди домой, дитя, — повторил Кант.

Я развернулась и пошла обратно. По дороге думала о том, что слышала от отца в дилижансе. «Королева отравила Белоснежку. Женщина, между прочим.» Он сказал это как шутку, как раздражённый комментарий к глупой статье. Но слова застряли. Не потому что я верила, что убийца женщина. А потому что впервые подумала: а что, если газеты ищут не там?

Дома отец хмыкнул, не отрываясь от трубки:

— Да кому она нужна? Этому убийце нужны прекрасные девы.

Его слова прозвучали так буднично, что от этого стало ещё страшнее. Я согрелась у камина и попыталась собраться с мыслями. Я знала, что не считаюсь красивой. Серые и чёрные платья без лишних деталей, строгий пучок, очки. Это не делало меня непривлекательной. Это показывало, кто я есть. Если ты не стараешься нравиться, тебя реже замечают. Но

сейчас эта невидимость показалась не защитой, а ловушкой.

Я задремала прямо в гостиной, листая газету. На странице мелькал заголовок: «Убийца Белоснежек. Розыскивается мужчина. Жертв: три. Любая информация по адресу Лэшнейд, 37.»

И тогда, сквозь полудрёму, я почувствовала это. Кто-то смотрит на меня. Я открыла глаза. В комнате никого. Закрывает. Снова это чувство, тяжёлое, липкое.

Я встала. Прошла к двери. Коридор был пуст. Тёмный. Длинный. В конце его, у лестницы, лежало что-то маленькое, тёмное. Я подошла ближе.

Яблоко. Одно. Гнилое, чёрное внутри, с блестящей кожей. Оно лежало ровно посередине коридора, как слово, которое кто-то оставил в предложении, а потом ушёл, не договорив.

Я подняла его. В руке оно было тяжёлым, мокрым, холодным. Пахло сладковатой гнилью, и этот запах я уже знала. Из дома Патрика. Из газет. Из того мира, который до сегодняшнего дня был далеко, а теперь стоял в коридоре дома тёти, у меня на ладони, и смотрел на меня.